

ШТОРМОВОЙ ДЕСАНТ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Штурмовой десант / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-248621-0

Весна 1945 года. Советскому командованию становится известно, что на заводе в Померании немцы готовят вывоз секретных чертежей и оборудования по изготовлению новейшей самонаводящейся авиационной бомбы. Группа спецназа подполковника Максима Шелестова получает задание захватить ценную документацию и доставить ее на нашу территорию. Вместе с группой десантников на двух планерах отряд отправляется во вражеский тыл. Неожиданно начинается штурм, немцы открывают заградительный огонь. Самолет-буксир получает повреждения и раньше времени отцепляет планеры. У Шелестова всего несколько десятков минут, пока безмоторные летательные аппараты находятся в воздухе, чтобы успеть полностью поменять план операции...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-248621-0

ГЛАВА 1

Несмотря на черно-белое изображение на экране, Шелестов буквально ощущал голубизну ясного средиземноморского неба, запах моря в его естественном легком волнении. И отлично видел красавец линкор под итальянским флагом, со всеми своими стремительными очертаниями уверенно резавший морские волны. Был слышен легкий плеск волн — видимо, съемка велась откуда-то с берега. Тишину неба над Средиземным морем разорвал гул авиационных двигателей. Высоко, почти на пределе видимости, силуэты серебристых немецких бомбардировщиков Dornier Do 217 медленно приближались к итальянской эскадре. На борту флагмана — линкора «Рома» — царило напряжение. Италия только что капитулировала перед союзниками, и в тот ясный день 9 сентября 1943 года корабли шли

сдаваться на Мальту. Но немцы не собирались их отпускать.

Внезапно из-под крыльев одного из «Дорнье» отделилась небольшая стремительная тень.

— Это была FX-1400 — «Фриц-Икс», управляемая радиобомба, чудо немецкой инженерии, — негромко пояснил мужчина лет сорока пяти, сидевший рядом с Платовым.

Тяжелая, почти полторы тонны стали и взрывчатки, корректируемая по радиосигналу с самолета-носителя, она неслась вниз. Теперь на экране мелькали кадры, снятые на борту линкора. На мостике «Ромы» кто-то вскрикнул: «Бомбы!» — но было уже поздно. В 15:52, как было видно по ведущемуся хронометражу в углу кадра, FX-1400 вонзилась в палубу ближе к корме, пробила броню и взорвалась внутри корпуса. Огненный вихрь вырвался из вентиляционных шахт, стальные переборки стали скрипеть и гнуться, как бумага. Линкор содрогнулся, но остался на плаву.

Через несколько минут в небе появилась вторая волна бомбардировщиков. Еще одна FX-1400, словно ведомая самой смертью, устремилась к «Роме». На этот раз удар пришелся в район носовых башен главного калибра. Раздался чудовищный взрыв. Огненный столб взметнулся на сотню метров вверх. Боезапас главных ору-

дий детонировал, и гигантский линкор буквально разорвало изнутри. Носовая часть отломилась и мгновенно ушла под воду. Оставшаяся часть корабля, объятая пламенем, еще несколько минут держалась на поверхности, но судьба его была решена.

Вода, черная от мазута, с ревом хлынула в развороченные отсеки. Линкор «Рома» медленно кренился на правый борт. Матросы в панике прыгали за борт, но многие уже не могли спастись — их затягивало в водоворот тонущего гиганта. В 16:18 линкор перевернулся, и его огромные винты еще на мгновение мелькнули в лучах солнца, прежде чем корабль окончательно скрылся под водой.

— Из тысячи восьмисот сорока девяти человек экипажа спаслись лишь пятьсот девяносто шесть, — пояснил мужчина, когда в маленьком зале загорелся свет и Платов поднялся из кресла.

— Вот так, Максим Андреевич, погиб один из самых мощных кораблей Италии, — сказал Платов, повернувшись к Шелестову. — Не в честном бою, а от удара с воздуха, став жертвой нового оружия, изменившего ход войны на море. Кстати, познакомьтесь, это Давид Вениаминович Свечарник, наш талантливый ученый, который еще перед войной стоял у истоков создания подобного высокоточного оружия.

— Ну, я бы не стал так однозначно и мрачно заявлять, что немецкие планирующие самонаводящиеся бомбы как-то изменили ход войны на море, — пожимая руку Шелестову, заявил ученый. — Да, факты успешного бомбометания у них были, удавалось топить даже вот таких монстров, как линкор «Рома». Но в целом у немецких ученых была в этом проекте масса недоработок.

Они вышли через дверь в кабинет Платова. Шелестов шел, слушал ученого и старался незаметно разглядывать его. Невысокий мужчина, волосы аккуратно зачесаны назад, глубокие залысины, большой прямой нос и близко посаженные умные уверенные глаза.

— Судя по описаниям и отрывочным сведениям, — продолжал говорить Свечарник, когда они вошли в кабинет, — бомба Fritz-X предназначалась в первую очередь для поражения сильно бронированных целей, таких как линейные корабли и тяжелые крейсера. Поэтому немцам пришлось при весе бомбы в 1300—1500 килограммов доводить ее размеры до 3,3 метра в длину и 1,4 метра в ширину. Боеголовка имеет вес 320 килограммов. Взорывчатое вещество стандартное — аматол. То есть смесь тротила и аммиачной селитры. При скорости падения бомбы в 280 метров в секунду максимальная толщина брони, которую способ-

на пробить FX-1400, составляет, по моим расчетам, 130—150 миллиметров.

— Видимо, определенную роль играет высота, с которой сбрасывается бомба, — предположил Шелестов.

— Разумеется, — соглашаясь, кивнул ученый. — Минимальная высота сброса — 4 километра, расчетная — 5,5 километра. И вот тут у немцев начались проблемы. Сброс можно проводить только в ясную погоду. В условиях облачности ниже 4 километров наведение невозможно. И методика захода на цель, и подготовка к сбросу тоже довольно сложные. За несколько секунд перед сбросом бомбардировщик должен резко набирать высоту с дальнейшим выравниванием. Таким образом, он должен как бы «подбросить» бомбу. Заодно снижалась скорость самолета, и оператор не терял бомбу из виду. Самонаведение проводилось непосредственно при планировании бомбы. Примечательно, что в это время самолет не мог совершать никаких маневров, а значит, и был крайне уязвим для истребителей.

— Вы говорили, Давид Вениаминович, — сказал Платов, — метод наведения у немцев основывается на простом принципе радиоуправления. Я полагал, что это упрощает наведение, делает его чуть ли не автоматическим.

— Как раз наша система наведения, над которой мы работали еще до войны, давала больше возможностей точного бомбометания. А немецкий принцип более сложен в исполнении. Оператору требуется и одновременно отслеживать бомбу, и направлять ее к цели. В связи с этим он должен был иметь высокую степень подготовки, так как малейшее нарушение концентрации внимания приводит к промаху. С учетом неустойчивой траектории полета, которая требует своевременной ручной коррекции, точность при высоком мастерстве оператора составляет примерно 15–30 метров от точки прицеливания. Ну а при наличии любых отвлекающих факторов, таких как зенитный огонь, атака истребителей или турбулентность, точность значительно снижается.

Платов посматривал на Шелестова, замечая, что лицо подполковника все больше и больше выражает непонимание, для чего его вызвали и какое отношение имеет опыт и профиль работы его группы к этим исследованиям. Пришло время ставить задачу, потому что как раз времени сейчас очень не хватало. Платов подозвал Шелестова и Свечарника к столу, на котором лежала развернутая карта северной части Германии.

— Видите ли, Максим Андреевич, — заговорил Платов, — наши ученые сразу пошли по не-

сколько иному пути создания системы наведения аналогичного и высокоэффективного оружия. Но у немцев больше опыта в проектировании в области аэродинамики, стабилизации полета. Ведь одно дело, когда воздушный аппарат тянет пропеллер или иной движитель, а другое — управление самопадающим объектом. Тут одного опыта строительства планеров мало. Это не просто воздушные рули и стабилизаторы, это комплексная система... Я правильно говорю, Давид Вениаминович?

— Да, все так, — развел руками ученый. — Эти годы, когда мы перестали заниматься планированием в воздухе, позволили немцам опередить нас, хотя мы обогнали их в системе теплового и другого наведения на цель. Попытки создать подобное оружие у нас пока не увенчались успехом, хотя головки самонаведения уже создавались учеными лаборатории электрических систем и автоматики Всероссийского электротехнического института, где я занимался этими вопросами еще до войны. А потом в сорок первом эвакуация лаборатории в Свердловск. Хотя еще в конце тридцатых годов мы начинали разработку планирующих управляемых авиационных бомб под названием СНАБ-3000 «Краб». Но с началом войны, а потом и из-за того, что большой войны на море советский флот не вел, эти рабо-

ты свернули. Теперь же с окончанием войны на суше и возможным выходом ее на морские просторы принято решение возобновить работы по созданию этого типа бомб. Для ускорения процесса необходимо выяснить, как далеко продвинулись в этом направлении немецкие ученые.

Теперь Шелестов понял причины этой лекции, которая по большей части рассчитана была для него самого, а не для Платова, который имел представление о сути проблемы и целях группы, которые он успел сформулировать для себя в голове.

— Смотрите, — Платов взял карандаш и обвел городок на карте. — Согласно сведениям нашей разведки с завода фирмы *Ruhrstahl Allgemeine Gesellschaft*, которая находится вот в этом городе Нойбранденбург в Померании, через два дня на побережье Балтийского моря будут отправлены важные документы по немецкой разработке — управляемой самонаводящейся авиационной бомбе. Куда отправятся материалы, мы не знаем. Возможно, что в Южную Америку, а возможно, и в другое секретное место. Задача вашей группы, Максим Андреевич, перехватить документацию и не дать вывезти ее за пределы Германии.

Шелестов нахмурился. Такого задания они еще не получали. Вчетвером за такой срок изучить обстановку, определить место, где находят-

ся документы, спланировать нападение и благополучно уйти. Или как минимум организовать отправку документов через линию фронта к нашим. Для подготовки такой операции нужно один-два месяца, нужна группа разведки, нужна связь с антифашистским подпольем. Нужно изучение местности, и необходима группа захвата, которая в удобном месте и в удобное время атакует и захватит документацию. На заводе такое не провернуть. В прошлом году на чешском заводе группе просто повезло, но это не система, на заводе нападать глупо.

— Я понял, товарищ комиссар госбезопасности, — спокойно произнес Максим, хотя на душе у него спокойно не было. Это задание из числа смертельных.

— Самое главное, Максим Андреевич, — Платов внимательно посмотрел в лицо Шелестову, — чтобы вы поняли, какая угроза исходит от этого оружия, в чьих бы руках оно ни оказалось. Важно, очень важно, чтобы мы разработали его и имели на вооружении первыми. Даже если эти чертежи попадут в руки наших союзников, то вы прекрасно понимаете, что союзники они нам до поры до времени. А может быть, уже и нет. Великобритания, США? Нет, они всегда будут нас ненавидеть и хотеть гибели нашей страны, смерти нашему народу.

— Простите, товарищи, — к офицерам подошел Свечарник. — Мне пора идти, и хотелось бы несколько напутственных слов товарищу Шелестову. Понимаете, товарищ подполковник, ценность этих материалов такова, что я даже затрудняюсь вам посоветовать, что с ними сделать в трудную минуту.

— Простите, не понял вас, — удивленно посмотрел на ученого Шелестов.

— Может случиться так, что вы захватите чертежи, но не сможете пробиться назад. И тогда, по логике вещей, вам их следует уничтожить, чтобы они не достались никому. Но тогда мы потеряем последние шансы их получить. Я просто не знаю, что вам в таком случае посоветовать. Вот Петр Анатольевич вас лучше знает, он сказал, что пошлет лучших людей. Пусть уж он вам советует, а я просто хочу от всей души пожелать вам удачи и вернуться живыми. Черт ее знает, мне кажется, что это вообще самое главное — сохранить жизни, а придумать мы еще что-нибудь придумаем эдакое, от чего врагам нашей Родины станет тошно.

Свечарник пожал руку Шелестову, Платову и вышел из кабинета. Платов предложил сесть и вернулся за свой рабочий стол. Сцепив пальцы рук, комиссар госбезопасности на несколько секунд как будто ушел в себя. Но потом заговорил

спокойным размеренным тоном, будто речь шла о подготовке поездки на дачу. И от этого тона на душе у Шелестова стало сразу намного спокойнее. Платов есть Платов, и он все продумал, взвесил, он выбрал наиболее эффективный вариант выполнения задания, а значит, наименее опасный для группы. Свести к минимуму риск можно в любом деле, сделать операцию абсолютно без-опасной невозможно. Это хорошо знали все.

— Сейчас я вам изложу весь замысел этой операции, Максим Андреевич. На немецком заводе идет подготовка к эвакуации. Точная дата выхода колонны, в составе которой будут и машины с документацией, известна. Вам для усиления дается отделение десантников.

— Выброска на парашютах? — удивился Шелестов. — У меня Коган ни разу в жизни не прыгал с парашютом.

— Я знаю, — кивнул Платов. — Нет, вас сбросят с помощью планеров. Парашюты использовать в данной ситуации нельзя. Вас может разбросать в воздухе на большой площади, и вы рискуете не успеть собраться в нужное время в нужном месте. Да и столько куполов в небе даже ночью может заметить враг. В условленной точке после посадки вы собираетесь вместе с десантниками. Они ваша ударная сила. Командир группы десантников майор Туманов ознакомлен

с картой местности, он определит тактику боя. У него есть опыт проведения подобных операций в тылу врага. Вы просто помогаете и охраняете груз после захвата. Десантники прикрывают ваш отход.

— Но случиться может всякое, — Шелестов продолжил мысль комиссара госбезопасности. — И тогда атаковать колонну предстоит нам. Лучше всего переодеться в немецкую форму.

— Форма уже готовится. В группе Туманова есть люди, которые, как и он, владеют немецким языком. Общее командование за вами, Максим Андреевич, вы руководите операцией. Вылет завтра ночью. Изучите карту места проведения операции, подготовьте группу. Завтра до вечера вам нужно попасть в штаб 2-го Белорусского фронта. Там вас будут ждать десантники, два планера с пилотами и самолет-буксировщик.

Самолет не стал садиться на аэродроме в районе расположения штаба 2-го Белорусского фронта. По радио пришло распоряжение приземлиться на аэродроме польского городка Голеньов, где группу ждет представитель командования 2-й ударной армии. И действительно, стоило ЛИ-2 остановиться, как к спущенному трапу подбежал, придерживая фуражку, полковник в полевой форме.

— Вы подполковник Шелестов? — торопливо осведомился он. — Следуйте за мной.

В отдельной комнате штаба авиадивизии на встречу оперативникам поднялся со стула мужчина лет тридцати пяти, одетый в форму немецких десантников. Взгляд чуть с прищуром скользнул по оперативникам и остановился на Шелестове.

— Майор Туманов, — представился он, протягивая руку для пожатия. — Командир воздушно-десантной группы.

Оперативники принялись переодеваться в немецкую форму, а Туманов и Шелестов, стоя у стола над расстеленной картой, обсуждали предстоящую операцию. Оперативнику нравился этот немногословный подтянутый офицер. Сразу чувствовалось, что все, что он говорил или предлагал, — продумано, испытано не раз, подтверждено богатым боевым опытом.

— Давно вы в десанниках? — спросил Шелестов майора.

— Можно сказать, что с первых дней, как созданы в 41-м воздушно-десантные войска. И с неба прыгать приходилось, и с кораблей десантироваться. А под Москвой и как обычная пехота стояли насмерть. Так что всем видам боя нас жизнь и эта война обучили.

— А до войны вы кем были?

— Не поверите, — усмехнулся майор, — учителем. Но оказалось, хорошо, что учителем немецкого языка.

Апрельская ночь висела над аэродромом тяжелым, промозглым покрывалом. Небо, затянутое низкими облаками, не пропускало ни лунного света, ни звезд — была только густая, почти осязаемая тьма, перемешанная с сыростью балтийского ветра. Ветер этот был коварен: он пробирался под одежду, заставлял ежиться даже бывалых десантников и, казалось, шептал что-то невнятное в растяжках ангаров, будто предупреждая о чем-то.

Аэродром жил тревожной жизнью. В свете редких, затемненных фонарей копошились люди — авиационные техники в темных комбинезонах, десантники с автоматами на груди, водители тягачей, последний раз проверявшие тросы и узлы креплений. Их фигуры казались призрачными, расплывчатыми в этом влажном мраке. Изредка вспыхивала спичка, на мгновение освещая напряженное лицо, затем раздавался глухой вздох и снова наступала тьма.

— Боря, а ведь война кончается, — неожиданно сказал Буторин, сидевший рядом с Коганом под навесом.

— Я вот тоже сейчас об этом сидел и думал, — ответил Коган, бросив окурок и затоптав его ка-

блуком сапога. — Никак не могу избавиться от ощущений, что уже ничего нет, что это мирная возня на обычном аэродроме. Что наступит утро и ветерок будет трепать красные знамена и из динамиков польется обычная праздничная музыка, марш советских спортсменов или какая-то песня в исполнении Шульженко. А по сути, через час мы поднимемся в небо и опустимся уже там, в Германии, среди озлобленных недобитых врагов. И снова нам придется стрелять в них, а они будут стрелять в нас. По-настоящему, а не как в детской игре с палками.

Буторин промолчал и посмотрел на планеры А-7. Они стояли на краю взлетной полосы, похожие на огромных притаившихся летучих мышей. Их крылья блестели от осевшей влаги, фюзеляжи казались неестественно хрупкими на фоне массивных буксировщиков. Но именно этим деревянным птицам предстояло бесшумно доставить группу во вражеский тыл.

Командир десантников, подтянутый, молодой и с седыми висками майор, сверял часы и что-то обсуждал с Шелестовым над картой, разложенной на капоте «виллиса». Карта была исчерчена красными стрелами и пометками — маршрут автоколонны, места возможных засад, точки высадки.

— Документы повезут на рассвете, — тихо сказал Шелестов, даже не поднимая головы. — Если не перехватим — уплывут в Швецию или сгорят в каком-нибудь бункере.

Разведчик молча кивнул. Он знал, что значит эта операция. Не просто захват бумаг — охота за тайнами, которые могли сказать, сколько еще продлится эта война.

Где-то вдали заурчали моторы — буксировщики ИЛ-4 готовились к взлету. Ветер донес запах бензина и нагретого металла. Пора. Один за другим бойцы подходили к планерам, цепляясь за поручни, проверяя в последний раз оружие. Лица у всех были спокойные — привыкли. Только в глазах читалось то, что не выскажешь вслух: мысль о том, что обратно, возможно, вернуться не все.

— По местам!

Двигатель бомбардировщика, работавший до этого на малых оборотах, взревел. Гул нарастал, нарушая тишину ночи. Планеры дрогнули, тросы натянулись. Тьма, ветер, рокот мотора — и где-то там, за линией фронта, дорога, по которой вскоре должны пройти немцы. Дорога, ставшая целью. Аэродром в Голенюве остался позади, растворившись в апрельской мгле.

Оперативники сидели лицом друг к другу, и каждый прислушивался к тому, что происходит

за тонкими стенками фюзеляжа планера. Свистел ветер, обдувая крылья, сам планер покачивался, то чуть проваливаясь в воздушные ямы, то снова приподнимаясь на встречном потоке. Не прошло и пятнадцати минут, как на плексигласе боковых окон появились струйки воды. Сцепка попала в полосу дождя. Метеослужба давала неутешительный прогноз с самого начала, и вот сбылись худшие опасения.

Оперативники посматривали в окна, но, к счастью, грозовых разрядов видно не было. Сам по себе дождь — не самое страшное, чего стоило опасаться. Хуже всего было то, что штурман самолета-буксировщика мог потерять ориентацию, сойти с маршрута, и тогда выброска произойдет не там, где планировалась. Останется делать выбор — рисковать и планерам совершать посадку или разворачиваться и возвращаться на свой аэродром. А если планеры сядут на большом отдалении не только от нужной точки, но и друг от друга, если оперативники и группа поддержки из десантников потеряют друг друга после посадки, тогда шансы выполнить поставленную задачу снова уменьшаются. В мае ночи уже короткие, и сброс надо успеть сделать затемно. И желательно в намеченной точке. Шелестов снова посмотрел на лица своих товарищей. Буторин сидел с закрытыми глазами, откинувшись на стенку

фюзеляжа. То ли правда спал, то ли просто держал себя в руках. Коган с равнодушным видом смотрел в квадратное окно планера. Конечно, равнодушия у Бориса сейчас ни на грамм, но он умеет владеть собой. А вот Сосновский не просто смотрит в окно, он еще что-то шепчет себе под нос. И взгляд такой задумчивый. Уж не стихи ли читает Михаил?

— Михаил! — Шелестов толкнул локтем Сосновского.— Ты молишься или стихи сочиняешь?

Сосновский повернулся, удивленно посмотрел на командира, потом рассмеялся.

— Не дорос я еще до поэтов мастерством! Это Лермонтов, «Мцыри»!

Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Все лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Не много пользы вам узнать;
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.